

В ЧЕСТЬ СОЛЖЕНИЦЫНА

Мстиславу Ростроповичу удался Концерт Сен-Санса

Петр ПОСПЕЛОВ

Предыдущее появление Ростроповича в России (не далее как в сентябре этого года) оставило довольно горестный осадок. Аншлаги в Консерватории, помпа в средствах массовой информации, слезы, поцелуи — и низкий уровень игры великого в прошлом музыканта, который не могла поправить даже помощь такого монстра, как дирижер Сейджи Озава. Казалось, музыкант растерял все что мог — и только в самом конце поэмы Рихарда Штрауса «Дон Кихот» подарил слушателю несколько трогательных прощальных минут. Хотелось даже надеяться, что это прощание станет итогом появлений маэстро с виолончелью на родной земле: слушатель уважает Ростроповича за его служение музыке и обществу, но претендует и на то, чтобы Ростропович уважал его, а в это понятие входит безупречная в профессиональном отношении исполнительская работа.

Однако следующий повод не заставил себя ждать: узнав, что в абонементном концерте Российского национального («плетневского») оркестра стоит музыка Яна

Сибелиуса, Ростропович предложил посвятить концерт поклоннику этого композитора — Александру Солженицыну. И вот сцена: билетерша строго проверяет приглашенный билет у очередного посетителя. В этот момент в адрес посетителя раздаются аплодисменты собравшихся в фойе. Билетерша поднимает глаза — перед ней борода, умные, цепкие глаза и меховая шапка. Далее Солженицын движется к гардеробу, вверх по лестнице, входит в зал — в плотном кольце операторов, корреспондентов, фотографов, а также простых почитателей, среди которых есть и просители с заготовленными конвертами. Все остальное, в том числе и Солженицын с Натальей Дмитриевной в шестом ряду партера, могли видеть телезрители канала «Культура» в прямой трансляции.

Естественно, сам Ростропович не мог не поучаствовать в концерте в честь старого друга. Он играл вещи, которые знал давно и наизусть. И, надо сказать, в Первом виолончельном концерте Сен-Санса одержал победу. При всех оговорках (нечистые пассажи, особенно заметные там, где они перекликались с подобными же, отменно исполняемыми музыкантами

Так радовались встрече на концерте два самых известных советских диссидента: Солженицын и Ростропович

оркестра) в игре Ростроповича был и светлый тон, и мягкая фразировка, и ощущение ансамбля с оркестром. Немного удивляли, правда, неожиданная холодность и отстраненность музицирования, отсут-

ствие непосредственного накала — но, хорошо зная искусство Ростроповича, можно расценить это как интересное новшество. Что касается Вариаций на тему рококо Чайковского, то о них лучше забыть.

Эта сверхпопулярная вещь редко безукоризненно удается даже молодым амбициозным конкурсантам, которые бьются над ней, не считая часов. А если учесть, что Ростропович в преддверии выступления был занят светским и благотворительным общением, нетрудно догадаться, сколько потерь понес великий русский классик.

«Зачем ты пришел на этот концерт, с этой публикой, с этими мобильными телефонами? — с досадой сказал мне знакомый оркестрант. — Вот на генеральной репетиции дед был в ударе». Под «дедом» имелся в виду Пааво Берглунд — финский дирижер европейской известности, полюбившийся нашему оркестру и нашей публике еще в прошлом сезоне. Очевидно, Первая симфония Сибелиуса (главное музыкальное содержание концерта) на концерте удалась Берглунду и «плетневцам» хуже, чем могла бы: изысканно сыгранные куски пестро чередовались с недоигранными или грубовато пережатыми. Однако «Грустный вальс», открывавший концерт, прозвучал на диво свежо и нежно — так что, будем надеяться, почетный гость концерта в своих музыкальных пристрастиях обижен не был.

17.12.98
Солженицын Александр